

Жене ни взгляда, так гласит наказ.
Ну, кажется, и все на этот раз.
Беги! Спеши! И завтра поздно ночью
Увидишь, друг мой, чудеса воочью.
Как все уснут, усядемся в бадьи
И будем ждать. И грозный бич Судьи
Не тронет нас, и вознесем хвалу мы,
Что не причислены Судьей ко злу мы.
Но не к чему тебе и назиданье:
«Послу разумному наказ – молчанье», -
Сказал пророк. Тебя ли мне учить?
Но поспеши, иль нам в живых не быть».
Едва держась на гнущихся ногах
И под нос бормоча «увы» и «ах»,
Спустился плотник и тотчас жене
Все рассказал, лишь умолчав о дне.
Она же, зная, что все это значит,
Как закричит притворно, как заплачет!
Мол, до смерти ее он напугал.
«Беги скорей, ведь раз он обещал,
Спасемся мы. И ты спасешь нас, милый,
От ранней, незаслуженной могилы.
Иди, иди и делай, что велел он».
И за бадьями тут же полетел он.
Подумать только, что воображенье
Такое может вызвать потрясенье.
От выдумки ведь можно умереть,
И плотника нам надо пожалеть.
Он представлял себе господень суд,
Как Алисон, голубку, унесут
Потопа волны. Плакал он, дрожал
И горестные вопли испускал.
Кой-как купил он чан, квашню, бадью
И в мастерскую приволок свою.
Когда же ночь соседей усыпила,
Бадьи повесил рядом на стропила
На чердаке и укрепил стремянки
Подъемные; водой наполнил банки
И кувшины, разлил в бутылки эль,
Нарезал хлеб и сыр, принес постель,
Чтоб не было жене в бадейке жестко.
Он в Лондон отослал слугу-подростка,
И женину спровадил он служанку,
Все это сделал плотник спозаранку,
Чтобы соседи им не помешали
И как-нибудь про ливень не узнали.
А в понедельник, еле солнце село,
Тотчас же принялись они за дело:
Закрыли окна, крепко заперлись
И на чердак все трое поднялись,
А там в бадьях, как куры на насесте,
В молчании потопа ждали вместе.
Молчали долго, и шепнул студент:
«Теперь решительный настал момент,
Молчите! Тс! И про себя прочтите